

отступлений от действительного смысла оригинального текста; „воспоминаниям“ же придана несвойственная им вычурность».⁵¹

В данных заметках, как и в предыдущих, затронута лишь небольшая часть сюжетов, отраженных в «ежедневнике» Блока 1915 года. Краткие записи поэта нередко нуждаются в пояснениях, интерпретациях, иногда носящих характер предположений. Тема эта далеко не исчерпана и требует дальнейших изысканий. Более обстоятельную картину в каждом конкретном случае дадут, конечно, готовящиеся к изданию два тома записных книжек в составе академического Полного собрания сочинений и писем А. А. Блока.

⁵¹ Левинсон А. Письма Флобера // Речь. 1915. 2 нояб. № 302. С. 3.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-100-108

© О. А. КУЗНЕЦОВА

«ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ» А. А. БЛОКА: ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА И АВТОРСКОЕ НАЧАЛО

С 8 мая 1917 по январь 1918 года А. А. Блок был редактором стенограмм допросов в Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц (далее — ЧСК). Предполагалось, что результатом деятельности ЧСК будет Отчет первоначально для предоставления Временному правительству, а впоследствии к открытию Учредительного собрания.¹ В нем Блоку было поручено написать две главы: «Последние дни старого режима» и о последнем министре внутренних дел Российской империи Александре Дмитриевиче Протопопове (1866–1918).² В августе 1917 года Блок приступил непосредственно к работе над текстом первой из них,³ а 3 апреля 1918 года уже отправил ее в Академию наук С. Ф. Ольденбургу,⁴ возглавлявшему редакционную комиссию ЧСК. В записной книжке он пометил, что туда же необхо-

¹ «План отчета или доклада Учредительному собранию, составленный Е. В. Тарле», см.: Блок А. Последние дни Императорской власти / Сост. С. С. Лесневский, З. И. Перегудова. М., 2012. С. 405.

² См.: Проект отчета Чрезвычайной следственной комиссии // Там же. С. 406.

³ Подробнее об этапах подготовки Блоком этого труда см.: Гальперина Б. Д. 1) Аполлон в плену у Клио: О работе Блока в Чрезвычайной следственной комиссии // Аврора. 1970. № 11. С. 59–64; 2) Работа А. А. Блока «Последние дни императорской власти» // Петербургская историческая школа: Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». Памяти В. И. Старцева. СПб., 2002. С. 355–368; Иванова Е. 1) Блок в Чрезвычайной следственной комиссии; Очерк «Последние дни императорской власти»: история создания // Иванова Е. Александр Блок: последние годы жизни. М., 2012. С. 64–86; 2) Блок и Февральская революция // Наше наследие. 2017. № 121. С. 50–55; Перегудова З. И. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 298–365.

⁴ Об этом свидетельствуют пометы на обложке рукописи «Последние дни старого режима» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 1) и в записной книжке (Блок А. А. Записные книжки: 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова. М., 1965. С. 398).

димо передать «четыре стенограммы для хранения». ⁵ 8 апреля академик вернул ему рукопись, предлагая поправить то, что нарушало «общий летописный тон». ⁶ Окончив труд, поэт передал скопившиеся у него за это время материалы ЧСК в Пушкинский Дом. ⁷ В фонде Блока сохранилась пустая папка, на которой рукой неустановленного лица сделана надпись: «В помещение Пушкинского Дома в Российской Академии Наук. От Ал. Блока: просьба — приложить пакет к стенограммам Чрезвычайной Следственной Комиссии для рассказов о противозаконных по должности действиях бывших министров (1917 года). Здесь находятся некоторые деловые документы и материалы для части Отчета Учредительному Собранию, могущие впоследствии придать некоторый интерес». ⁸ Вероятно, речь идет о 55 единицах хранения, включая эту папку, которые в описи числятся под единым заглавием «Материалы Чрезвычайной Следственной комиссии». ⁹

Переданные Блоком в архив документы позволяют проследить начальные стадии составления этого сочинения, опубликованного в 1919 году на страницах журнала «Былое» под заглавием «Последние дни старого режима», ¹⁰ а в 1921 году вышедшего отдельным изданием с Предисловием и Приложениями, под названием «Последние дни императорской власти». ¹¹ В процессе работы Блока жанровая природа его труда неоднократно претерпевала изменения. Поначалу личное присутствие на допросах министров и посещение их в казематах Петропавловской крепости создает у поэта впечатление погружения «в историю русского самодержавия XX века», которую он в письме к матери 18 мая 1917 года изображает как «увлекательный роман с тысячью действующих лиц и фантастических комбинаций». На этом материале можно было бы, по мнению Блока, написать серию романов или эпопею, «историю этого бесконечного рода русских Ругон-Маккаров, или Карамазовых». ¹² В этом же письме он делает портретные зарисовки «героев» своего воображаемого «романа» в духе Э. Золя или Ф. М. Достоевского: «Пошли в гости — сначала к Воейкову <...> это ничтожное довольно существо, не похож на бывшего командира гусарского полка, но показания его крайне интересны; потом зашли к кн. Андроникову; это — мерзость, сальная морда, пухлый животик, новый пиджачок (все они повторяют одинаково: «ах, этот Андроников, который ко всем приставал»). Князь угодливо подпрыгнул — затворить форточку; но до форточки каземата не допрыгнешь. Прямо из Достоевского».

⁵ Там же. С. 398.

⁶ Там же. С. 399.

⁷ Подробнее о связях Блока с Пушкинским Домом при Российской Академии наук см.: *Лощинская Н. В.* Александр Блок и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи, документы, библиография. Л., 1982. С. 13–36.

⁸ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 55. Основное собрание материалов, связанных с А. А. Блоком, поступило в Пушкинский Дом 29 марта 1940 года, через шесть месяцев после смерти его вдовы, Л. Д. Блок, — из них было сформировано 8 описей 654-го фонда. Отдельные документы, поступившие от разных лиц в период с 1928 по 1980 год, оформлялись в разряд I, опись 3 «Материалы А. А. Блока». Автор выражает благодарность за эти сведения Людмиле Дмитриевне Зародовой.

⁹ Эти документы, сданные поэтом лично в 1918 году, по всей видимости, были обнаружены уже после того, как фонд 654 был сформирован, и присоединены к описи 5, где уже содержались стенограммы отчетов, но не расписаны по единицам хранения, под общим заглавием «Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 1–55).

¹⁰ Блок А. Последние дни старого режима // *Былое*. 1919. № 15. С. 3–50.

¹¹ Последние дни Императорской власти: По неизданным документам составил Александр Блок. Пг.: Алконост, 1921. Подробнее об издании см.: *Иванова Е.* Очерк «Последние дни императорской власти»: история публикации // *Иванова Е.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 220–222.

¹² Письма Александра Блока к родным: [В 2 т.]. М., 1932. Т. 2 / Под ред. и с прим. М. А. Бекетовой и предисловием В. А. Десницкого. С. 364.

К последнему предложению Блок делает сноску: «М<жду> пр<очим>, большую библию на столе я заметил только у Андроникова».¹³

19 июня 1917 года он продолжает смотреть теперь уже на протоколы допросов глазами писателя и видит в них «богатый *литературный материал*»,¹⁴ который можно использовать в работе над отчетом. 25 июля Блок записывает в дневнике свои размышления по поводу жанра предстоящего труда, которые он высказывал в этот день на заседании ЧСК: «Мыслимо: — или — большое исследование, исследование свободное, с точки зрения исторической, подходящее к явлениям, <...> пользующееся всем богатейшим матерьялом; или — доклад политический, сжатый, обходящий подробности во имя главной цели (обвинение против старого строя в целом). Я останавливаюсь <...> на последней форме».¹⁵ Если в воображаемом романе из жизни самодержавного рода или «литературном материале» допросов автора могли заинтересовать персонажи, характеры, судьбы, то риторика политического доклада-обвинения, напротив, позволяла абстрагироваться от «значения имен» и роли каждой отдельной личности в историческом процессе. Эту свою мысль Блок проиллюстрировал примером: «Протопопов (даже) — личность страшно интересная с точки зрения психологической, исторической и т. д., но вовсе не интересная *политически*».¹⁶

Однако 4 августа Блок приступает к работе над тезисами своих разделов в общем труде, и в его бумагах уже фигурирует исключительно жанр отчета. 19 августа 1917 года он составляет докладную записку на имя Председателя ЧСК, где подробно расписывает план порученной ему части. В ней он демонстрирует намерение «подвергнуть обработке материалы», добытые ЧСК, и представляет список «важнейших в политическом отношении» событий.¹⁷ Временные рамки главы «Последние месяцы старого режима» указаны как 1 ноября 1916 года — 27 февраля 1917 года.

Ольденбургу жанр будущего сочинения представлялся собранием документов, оформленных в виде выдержанной в летописном стиле исторической хроники. По его поручению Блок составил по газетам хронологическую «Сводку событий», определив даты шире — «с 1 сентября 1916 по 26 февраля 1917».¹⁸ В данном жанре автор выступал в роли хрониста, излагающего последовательность событий, приведших к падению режима.

18 января 1918 года ЧСК прекратила работу, однако поэт, уже не связанный жесткими бюрократическими рамками, продолжил свое дело.

На разных этапах подготовки этого труда в зависимости от жанровой природы сочинения менялся и статус автора: он выступал то сочинителем воображаемого романа, то беллетристом, черпающим из стенограмм допросов психологические типы и характеры и драматические коллизии, то составителем политического памфлета, то историком, то компилятором, то просто чиновником, подготавливающим отчет, или даже анонимным летописцем. Все эти разнородные, разножанровые элементы в том или ином виде оказали влияние на окончательный текст произведения.

Подготовительные материалы к этому труду, сданные поэтом в Пушкинский Дом, позволяют не только проследить историю создания, но и более детально выявить присутствие автора в окончательном тексте его сочинения,

¹³ Там же. С. 365.

¹⁴ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 265.

¹⁵ Там же. С. 288.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 368–369.

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 28. Оpubл.: Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 233–275. См. также: Поливанов О. А. «Сводка событий» А. А. Блока предреволюционных и февральских дней 1917 года // Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 367–372.

несмотря на скромную позицию «составителя», которую он сам себе отвел в последнем издании.

Для этого необходимо, в первую очередь, раскрыть все закавыченные и скрытые цитаты, установить, сведения из чьих допросов использовались в каждом конкретном случае, и самое главное — определить принципы цитирования и способы подачи «чужого слова».

С этой точки зрения особый интерес представляет работа поэта с историческими свидетельствами, а именно краткие конспекты и выписки из многостраничных протоколов допросов,¹⁹ сделанные им на начальном этапе.²⁰ Помимо того, что в них зафиксирована стадия отбора фактического материала, эти конспекты содержат краткие характеристики исторических личностей, оценку их деятельности, в них поэт пытается выстроить логику развития событий и самое ценное — фиксирует свои собственные размышления. Так, например, на обороте конспекта допроса директора Департамента полиции, а впоследствии заместителя министра внутренних дел Степана Петровича Белецкого (1873–1918) Блок сделал помету: «письм<енные> показания, мои сообр<ажения>, допросы».²¹

Рассмотрим на конкретных примерах принципы работы Блока с «подлинными документами», о которых он писал в Предисловии к «Последним дням императорской власти». В тексте книги князь Михаил Михайлович Андронников (1875–1919), чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, обрисован автором следующим образом: «...вертевшийся в придворных и правительственных кругах, подносявший иконы министрам, цветы и конфеты их женам, и знакомый с царскосельским камердинером, характеризует сам себя так: „человек, гражданин, всегда желавший принести как можно больше пользы“».²²

Портрет в целом представляет собой собрание явных и скрытых цитат из двух протоколов допросов, установить которые помогает двухстраничный конспект, сделанный Блоком. В нем большое внимание уделяется связям Андронникова с царской семьей, ее ближайшим окружением и министрами. Трижды Блок фиксирует истории дарения икон,²³ игравшие особую роль в установлении нужных для Андронникова политических контактов: «Подносил образа рублей в 50, букеты знакомым женам министров, что-то еще Сухомлиновой»,²⁴ «...поднес императрице два образа; это было, когда она уже „взяла бразды правления“».²⁵ Среди этих выписок особый интерес представляет рассказ

¹⁹ Е. В. Иванова опубликовала записку Блока в ЧСК от 13 октября 1917 года, где перечислены 25 из 88 «стенографических отчетов допросов», которые Блок собирался использовать в своем сочинении, с указанием, на чьих показаниях будет строиться каждый сюжет (см.: *Иванова Е. Александр Блок: последние годы жизни*. С. 83–84).

²⁰ Е. В. Иванова считает, что эти краткие конспекты связаны с проектом сокращенного издания стенограмм (см.: Там же. С. 78). Однако два факта, а именно: избирательность сведений, представленная в конспектах, и характер записей «для себя», — позволяют предположить, что это подготовительные наброски к «Последним дням императорской власти».

²¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 2. Л. 1 об.

²² Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 8–9.

²³ Следователь ЧСК В. М. Руднев писал: «Князь Андронников, желая попасть в тон царившему при Дворе религиозному настроению и создать этим же слух о своей религиозности, в своей спальне за особой ширмой устроил подобие часовни, поставив большое распятие, аналой, столик с чашей для освящения воды, кропило, ряд икон, подсвечников, полное священническое облачение, терновый венец, хранившийся в ящике аналая и пр.» (*Руднев В. М. [Правда о русской царской семье и темных силах] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг.: Сб. материалов / Сост. Л. А. Лыкова. М., 1998. С. 148–165 (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 8)*).

²⁴ Протокол допроса кн. Андронникова Михаила Михайловича // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 2. Сухомлинова Екатерина Викторовна (1882–1925?) — жена военного министра В. А. Сухомлинова.

²⁵ Там же.

о подношении иконы А. Д. Протопопову через несколько дней после назначения его на пост министра внутренних дел: «17-го состоялось назначение, 19 или 20 А<ндроннико>в приехал и видел П<ротопопо>ва всего 1 ½ мин<ути> и просил разреш<ения> поднести образ. Протопопов охотно согласился. На обороте образа А<ндроннико>в написал слова П<ротопопо>ва о законности и справедливости, а через две недели П<ротопопо>в его уже не принимал». ²⁶

История с дарением «конфект» в этих протоколах не упоминается, она рассказана И. Л. Горемыкиным на его допросе 15 мая 1917 года как пример манеры поведения Андронникова. В частности, И. Л. Горемыкин заявил: «Как же, знаю Андронникова — странный человек. Он ко мне приставал, он несколько раз бывал и никогда не являлся с пустыми руками, всегда с букетом роз или с конфектами, которых я не ем, потому что мне запрещены конфекты». ²⁷

Однако все эти подробности и важные детали в тексте «Последних дней императорской власти» Блок сознательно опускает. Кроме того, на первый взгляд, создается впечатление, что автор не придает значения и той модальности, в которой тема дарения «образов и цветов» возникала в протоколах ЧСК.

Вопросы, которые задают подследственному прокурор харьковской судебной палаты Б. И. Смиттен и Председатель относительно икон и цветов на допросе 8 апреля 1917 года, на самом деле касаются коррупционной составляющей:

«Смиттен. — Скажите, пожалуйста, вы делали подношения ценного характера должностным лицам?

Андронников. — Ценные... нет. Мои подношения состояли из образов: образ стоял рублей 50... <...>

Смиттен. — А букеты цветов вы подносили женам министров?

Андронников. — Только тем, которых я знал.

Смиттен. — Другого рода подношений вы не делали?

Андронников. — Нет, другого рода — нет...» ²⁸

Автохарактеристика Андронникова: «человек, гражданин, всегда желавший принести как можно больше пользы», — также появляется в протоколе допроса в определенной ситуации, которую Блок в своих конспектах и своем сочинении как бы игнорирует:

«Председатель. — Позвольте вам прямо поставить вопрос: в чем заключалась ваша деятельность? Кто вы?

Андронников. — Я ответил бы: человек, гражданин, желающий как можно больше принести пользы...

Председатель. — Это в сфере субъективной, в сфере идеалов. А конкретно, — кто вы? Какова ваша деятельность?

Андронников. — Это очень трудно... Я себе задавал часто этот вопрос и отвечал: „Благодатью божию, я есть то, что есть: человек, в настоящем смысле этого слова, но интересующийся всеми вопросами государственной жизни, близко принимающий все и желающий принести как можно больше пользы!“» ²⁹

Как видим, Председатель пытается выяснить роль Андронникова в политике, а князь как ловкий придворный уходит от ответа, прячется за избитые фразы об общественной пользе. Однако даже изъятый из контекста допроса этот высокопарный пассаж становится яркой речевой характеристикой блоковского героя. Таким образом, собственно блоковским текстом в этом портретном изображении остается единственная фраза, квалифицирующая

²⁶ Там же. Л. 1.

²⁷ Допрос И. Л. Горемыкина 15 мая 1917 // Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства: В 7 т. / Ред. П. Е. Щеголев. Л., 1925. Т. 3. С. 319.

²⁸ Допрос кн. М. М. Андронникова. 8 мая 1917 г. // Там же. Т. 2. С. 12–13.

²⁹ Там же. С. 11.

характер деятельности и роль этого персонажа: «вертевшийся в придворных и правительственных кругах».³⁰

Другая краткая портретная зарисовка — последнего председателя совета министров князя Николая Дмитриевича Голицына — основывается исключительно на его речевой манере. Блок выписывает в своем конспекте следующий фрагмент из протокола допроса князя Голицына: «Когда чернь волновалась в городе, я скрывался. Председатель: будем говорить народ».³¹ Слово «чернь» Блок подчеркивает красным карандашом. В соответствии с этим в «Последних днях...» возникает следующий образ: «старый аристократ, брезгливо называвший народ „черню“».³²

В отличие от портретов оценка репутации исторических деятелей принадлежит главным образом автору. В «Последних днях императорской власти» «людьми самой высокой честности» названы «министр народного просвещения граф Игнатьев» и «министр иностранных дел Покровский». Исключением является реноме военного министра генерала Беляева как человека порядочного, здесь Блок ссылается на мнение М. В. Родзянко,³³ но по всей видимости, его не разделяет. Стоит учесть, что не все оценочные отзывы Блока из предварительных материалов попали в окончательный текст. Так, в конспекте допроса Голицына Блок резюмировал: «Бледная, порядочная фигура <...>, он сказал мало, но кое-что выразительно».³⁴ По поводу стенограмм Белецкого он восклицал: «Вот характерная фигура!», а в конспекте его первого письменного показания конкретизировал свое замечание: «В этом показании 19 л., а сколько ведер грязи!»³⁵

Еще один важный момент авторского волеизъявления заключается в том, кому из очевидцев и участников событий Блок предоставляет в своем повествовании право голоса: какие свидетельства он цитирует, на чьи показания опирается. «Подлинные документы» присутствуют в хронике Блока в разных ипостасях: эксплицитно, в виде закавыченной цитаты из допроса, и имплицитно, когда автор передает чей-то рассказ о событиях, выбирая из множества вариантов точку зрения именно этого персонажа.

Так, история назначения князя Голицына, напоминающая скорее великосветский анекдот, выписана Блоком из протоколов его допроса: «Царь думал, кого бы назначить: Рухлов³⁶ не знает франц<узского> языка, а на днях собирается конференция. „Я с вами хитрю, я вас вызвал, не императрица, мой выбор пал на вас“ (слова царя). Голиц<ын> „мечтал только об отдыхе“».³⁷ Она почти без изменений вошла в «Последние дни...».³⁸

В то же время сюжет назначения на пост Протопопова³⁹ основан на показаниях князя Андронникова, при этом его имя ни разу не упоминается. Блок законспектировал этот рассказ из стенограммы допроса: «Как был

³⁰ Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 8.

³¹ Допрос кн. Голицына Николая Дмитриевича // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 7. Л. 1.

³² Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 11.

³³ Там же. С. 12. Ср. также: «Председатель. — Вам ничего не известно о незаконной деятельности Беляева, бывшего военного министра?

Родзянко. — Я считал его всегда очень порядочным человеком в денежных и других делах» (Падение царского режима... Т. 7. С. 171–172).

³⁴ Допрос кн. Голицына Николая Дмитриевича. Л. 3.

³⁵ Протоколы допросов Белецкого Степана Петровича (30 мая — 6 июня с перерывами) // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 2. Л. 7.

³⁶ Рухлов Сергей Васильевич (1852–1918) — член Государственного Совета.

³⁷ Протоколы допросов Белецкого Степана Петровича. Л. 1.

³⁸ Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 10–11.

³⁹ Подробнее об этом см.: Спивак М. Л. Последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов в политической публицистике А. А. Блока и его современников // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. № 8. С. 102–118.

назнач<ен>⁴⁰ П<ротопоп>ов: „он хотел во что бы то ни стало добиться власти и всех водил за нос, говорил то, чего впоследствии не оказывалось, и не брезговал никакими путями. Он понял, что надо быть по покладистости вторым Сухомлиновым. Для достиж<ения> цели, он лечился у Бадмаева. Английский король был в восторге от его разговоров и писал об этом царю. С другой стор<оны> — путь расчистили Распутин, Питирим, Мануйлови и остальные“». ⁴¹ В текст исторического труда он вошел с незначительными изменениями. ⁴²

Для себя в конспекте Блок сделал более подробную запись из допроса хорошо осведомленного во всех нюансах этого назначения Андронникова: «Знакомство с Протопоповым. Бывшая императрица сместила А. А. Хвостова, очень пожилого человека, „кот<орый> не пускал к себе Р<аспути>на, не кланялся В<ырубов>ой, делал по-своему и Сухомлинова из крепости не выпускал“». ⁴³ Узнав от Хвостова, что он уходит, Андронников по „Всеому Петрограду“ нашел телеф<он> П<ротопоп>ова. Ему ответили, что просят приехать сегодня же. На Кирочной вышел сначала военный, потом Протопопов. Он вдумчиво посмотрел в глаза и сказал, как кто-то из покойных иерархов назвал Ан<дроннико>ва „апостолом Господа Бога“. Ему понравилось амплу Ан<дроннико>ва, знает, что оригинальный человек. На вопрос о программе П<ротопоп>ов говорил без конца, что он либеральный, введет прежде всего законность и справедливость. Разговор от 9½ до 2½ ночи. <...> Это было 15 сент<ября>, 17-го состоялось назначение»». ⁴⁴

Одна из наглядных блоковских характеристик Протопопова — это мастерски исполненная им интрига, приведшая к отставке с поста премьера А. Ф. Трепова. Блок так описывает эту ситуацию: «Трепов пал, побежденный Протопоповым, которому удалось уловить его на предложении отступного Распутину (чтобы последний не мешался в государственные дела)». ⁴⁵ В данном случае Блок опирается на свидетельство Белецкого, также разрабатывавшего план избавления от Распутина. Эту историю Блок выписал из его Письменного показания № 4 от 20 июля 1917 года: «Победа Протопопова в борьбе с Треповым. К Распутину приходил ген. А. А. Мосолов⁴⁶ и, принеся с собой вино, стал убеждать Распутину (во время выпивки) отказаться от вмешательства в дела управления и назнач<ения> министров — от имени Трепова, — передал ему 30 тысяч. Распутин терпеливо выслушал, отказался и рассказал об этом царице, а потом царю. После этого царь изменил свое мнение о Трепове и всецело перешел на сторону Протопопова»». ⁴⁷

⁴⁰ Это слово было подчеркнуто Блоком.

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 1. Ср.: Падение царского режима. Т. 2. С. 399–400.

⁴² Ср.: «Действуя одновременно в разных направлениях и не порывая отношений с думской средой, Протопопов сумел проникнуть к царю и заинтересовать его своей стокгольмской беседой, а также — приблизиться к Бадмаеву, с которым свела его болезнь, и к его кружку, где он узнал Распутину и Вырубову» (Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 13).

⁴³ 21 апреля (4 мая) 1916 года Сухомлинов был арестован и находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, пока продолжалось следствие. 11 (24) октября 1916 года он был переведен под домашний арест, и у него появилась возможность публичного оправдания. Со стороны высших сановников предпринимались попытки свернуть дело Сухомлинова, но министры юстиции А. А. Хвостов и А. А. Макаров не допустили этого, угрожая отставкой (Родзянко М. В. Крушение империи // Гибель монархии. М., 2000. С. 206 (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.)). С 7 июля по 16 сентября 1916 года А. А. Хвостов занимал пост министра внутренних дел.

⁴⁴ Протокол допроса кн. Андронникова Михаила Михайловича // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 1–2.

⁴⁵ Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 10.

⁴⁶ Генерал-лейтенант Александр Александрович Мосолов (1854–1939), начальник канцелярии Министерства императорского двора, был женат на родной сестре А. Ф. Трепова Елизавете Федоровне.

⁴⁷ Протокол допроса Белецкого Степана Петровича. Л. 9.

Образ Григория Распутина на страницах «Последних дней императорской власти» строится на разногласии противоречивых мнений, ни одно из них Блок не опровергает и не поддерживает. Четвертая из анонимно представленных в тексте точек зрения принадлежит Белецкому: «...упрямый, неискренний, скрытный человек, который не забывал обид и мстил жестоко и который некогда учился у магнетизера».⁴⁸ Блок законспектировал ее из Письменного показания № 5 от 20 июля 1917 года: «Распутин учился гипнозу у гипнотизера. Как Распутин вылечил Вырубову. Смерть Распутина. Распутин „чувствовал в себе молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно порочных наклонностей...“»; «Распутин считал, что человек, впитывая в себя грязь и порок, этим путем внедрял в свою телесную оболочку те грехи, с которыми он боролся, и тем самым совершал „преображение“ своей души, омытой своими грехами»; «Распутин никогда не забывал обид и жестоко мстил. Скрытный, подозрительный и неискренний. Фальши в отнош<ении> к себе не допускал. Стремился поработить того, кому был полезен. Упрямство, настойчивость».⁴⁹ Как видим, Блок проявлял живой интерес к мистическим переживаниям и практикам старца, но в текст его сочинения именно эти детали не вошли.

Имя представителя придворных кругов, ближе всех стоявшего к царской семье, зятя министра двора В. Б. Фредерикса, В. Н. Воейкова, часто мелькает на страницах блоковского исследования. Это связано с тем, что Воейков сопровождал императора в его последней перед арестом поездке в Ставку и назад в Царское Село. Во время этой поездки император отрекся от престола. Блок, следуя своему принципу «не преувеличивать значение имен», чтобы не создать у читателя «зрительную ошибку» нарушения масштаба, оставляет персонажа без портрета, ограничиваясь одной фразой — «ловкий коммерсант». В конспектах допроса он составляет для себя подробную характеристику этого исторического персонажа: «Генерал-майор Воейков убог умом и безличен, как и его язык, приправленный иногда лишь хвастливыми и пошловатыми гвардейскими словечками. Он так ничтожен, что совсем не способен возвыситься до понимания того, о чем его спрашивают и что интересует спрашивающих. Он может сообщить ряд анекдотов и фактов, интересных в бытовом отношении, но обобщить что бы то ни было не способен. Спортивный генерал. При всем том, допрос его представляет исключительный интерес. Сам того не понимая, он рассыпает перлы, которые через 100–150 лет (а мож<ет> б<ыть>, и раньше) будут драгоценны для исследователя».⁵⁰

Помимо использования «богатого литературного материала, который дают <...> стенограммы и письменные показания»,⁵¹ Блок задействует для художественного осмысления событий систему образов, метафор, символов.⁵² Одна из них — это государственное тело (или государственный организм), пораженное болезнью, требующее опасной операции, с которым может случиться паралич и т. д.

Другой проходящий через все произведение и задействованный на разных его уровнях образ — это символ круга, играющий важную роль в понимании

⁴⁸ Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 7.

⁴⁹ Протокол допроса Белецкого Степана Петровича. Л. 10–10 об.

⁵⁰ Допрос Воейкова Владимира Николаевича, князя Волконского Владимира Михайловича, Вырубовой Анны Александровны, Герасимова Александра Васильевича // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 6. Л. 2–3.

⁵¹ Блок А. Собр. соч. Т. 7. С. 265.

⁵² Ср. суждение Г. Иоффе: «Мастерство Блока-художника, органически сливаясь с его пронизательностью историка, позволяло ему воссоздать события» (Иоффе Г. Александр Блок как историк падения монархии (К 90-летию Февральской революции) // Новый журнал (Нью-Йорк). 2007. № 246. С. 249).

и истолковании Блоком не только собственной биографии, но и исторических событий. Он мыслил человеческую жизнь в форме смыкающегося круга⁵³ и следил за цикличностью явлений, происходящих в его жизни, эти наблюдения подпитывали его творческие идеи.⁵⁴

В первой части «Последних дней императорской власти», озаглавленной «Состояние власти», Блок структурирует всех задействованных в историческом повествовании героев по принципу концентрических кругов: это круг царской семьи и приближенный к нему «самый мистический круг», куда входят Распутин и Вырубова, придворные круги, разбитые на маленькие кружки, круги правительственные, круги бюрократические и круги общественные. Ход исторических событий также принимает конфигурацию стихийного круга: «...все они неслись в неудержимом *водовороте* к неминуемой катастрофе».⁵⁵

Этот же образ отразился в последней главе «Переворот» в виде кольцевой композиции. В краткой аннотации к главе, где перечисляются места и дни основных явлений, автор называет две эпохальные даты. На них, как правило, обращают внимание историки: «...последняя глава <...> раскрывает ход событий с начала революции (23 февраля) до отречения Михаила Александровича (3 марта)», — резюмирует З. И. Перегудова.⁵⁶ Но при этом в самом тексте главы Блок начинает рассказ с описания событий, произошедших днем раньше, 22 февраля, и заканчивает его случившимся на пять дней позже, 8 марта. Эти исторические вехи имеют непосредственное отношение к судьбе Николая II: 22 февраля «царь выехал из Царского Села в Ставку, в Могилев», а 8 марта уже «бывший император выехал из Ставки и был заключен в Царское-Сельском Александровском дворце».⁵⁷ Таким образом, в последней главе смыкается круг царствования последнего императора.

Подводя итог, можно сказать, что перед Блоком стояла непростая задача — облечь документальный материал живого, еще не завершившегося исторического процесса в соответствующую жанровую форму. Ему удалось создать сложное полифоническое полотно, где звучат голоса участников и свидетелей последних дней императорской власти. Поэт выступает здесь дирижером оркестра, предоставляя то одному, то другому исполнителю право на сольную партию.

⁵³ Ср. в статье «Рыцарь-монах»: «Исполнялся древний закон, по которому мудрая, хотя бы и обессиленная падениями и изменами жизнь, — старости возвращает юность. Издали светящаяся точка этой юности, как ἀνάμνησις (воспоминания (*др.-греч.*). — О. К.), как воспоминание о стране, из которой прибыл, которую забывал в пустыне жизни, — знаменует близость смыкания круга, близость конца, но не гибели, успения, но не смерти» (Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 8. Проза (1908–1916). С. 137).

⁵⁴ В Предисловии к поэме «Возмездие» Блок писал: «Ее план представлялся мне в виде концентрических кругов, которые становились все уже и уже, и самый маленький круг, съезжившись до предела, начинал опять жить своей самостоятельной жизнью, распирает и раздвигает окружающую среду и, в свою очередь, действовать на периферию. Такова была жизнь чертежа, который мне рисовался — в сознание и на слова я это стараюсь перевести лишь сейчас» (Там же. Т. 5. Стихотворения и поэмы (1917–1921). С. 49). См. также: Силард Л. К символике круга у Блока // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 219–224.

⁵⁵ Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 12; курсив мой. — О. К.

⁵⁶ Перегудова З. И. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий... С. 357–358.

⁵⁷ Блок А. Последние дни Императорской власти. С. 34, 75.